

ЯЗЫК. ПОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА

УДК 81'373.47

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В СУДЕБНЫХ ТЕКСТАХ XI–XVII вв.

© Ирина Юрьевна МИЗИС

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, ассистент кафедры русского языка
как иностранного, e-mail: irina-m-tambov@mail.ru

Рассматриваются этапы формирования инвективной лексики в судебных текстах в период с XI по XVII в. Исследование проведено на материале судебных дел и законодательных памятников. В различные исторические эпохи под влиянием норм традиционного права, практики судопроизводства, постановлений государственной власти понятие оскорбления формировалось по-разному. На первоначальном этапе в светском законодательстве под оскорблением понимались только физические действия. В XI–XIII вв. словесные оскорбления находились в юрисдикции церкви. В XIV–XVII вв. дела, связанные с оскорблениями словом, рассматривались уже в светском законодательстве. Под оскорблениями понимались «бранные, непристойные слова» и слова, имеющие «позорящий» характер. Большинство оскорблений отражали характер социальных отношений. На начальном этапе состав инвективной лексики, которая рассматривалась в судах в качестве оскорбления, был сравнительно небольшим. Но постепенно происходило увеличение тематических групп оскорблений. Это было связано с социальным статусом людей и их происхождением. Наказание за словесное оскорбление определялось в соответствии с сословно-родовым статусом участников конфликта.

Ключевые слова: инвективная лексика; оскорбление; законы; личная честь; ссора.

В последнее десятилетие вопрос словесного оскорбления является актуальным как в области юриспруденции, так и в области лингвистики. В книге «Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации» дается следующее определение инвективной лексики: «это слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценочном компоненте содержания интенцию (намерение) говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемое намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме» [1, с. 7]. Как правило, под инвективной лексикой в юридических текстах понимается оскорбление. Уголовный кодекс Российской Федерации определяет оскорбление как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» (ст. 130) [2]. Спорным остается вопрос, что следует понимать под унижением чести и достоинства, а также какая форма

является «неприличной». Как относиться к высказываниям, в которых использовалась грубая, нецензурная лексика и которые были произнесены в бытовой ссоре? Является ли это оскорблением или это грубое проявление эмоций? Становится понятно, что необходимо установить границу между бытовым и юридическим пониманием понятия оскорбления, т. к. очень часто обыденные представления идут вразрез с правовыми (профессиональными) [3, с. 91]. Конфликты, которые возникают в ситуации оскорбления словом, как правило, разбираются в судебном порядке. «Использование языка в социальной жизни человека всегда содержит определенный потенциал «естественной» конфликтности, который нередко выходит за пределы возможностей саморегулирования, заложенного в языке, и предполагает необходимость ее рациональной юридизации» [4, с. 8]. Но не все, что является оскорбительным в языке, может регулироваться правом. На процессы юридизации языка в разные исторические периоды влияют постановления государст-

венной власти, практика судопроизводства и нормы традиционного права.

Понятие инвективной лексики как элемента общественных взаимоотношений формировалось не только в сфере бытового общения, но и в правовом поле на протяжении многих веков. Первоначально судебная система основывалась на сложившихся традициях, а затем стала детально разрабатываться в общероссийских законодательных актах.

Цель нашей работы – проследить начальные этапы формирования понятия инвективы в судебных текстах с XI в. до начала XX в., а также попытаться понять причины изменений в составе инвективной лексики в различные исторические периоды.

Судебные дела, связанные с оскорблением личности, существовали на Руси с древних времен. Проанализировав судебные разбирательства за период с XI по XVII в., можно выделить различные тематические группы оскорблений, относящиеся как к государственной и религиозной сфере, так и к бытовой. К первой группе относятся, прежде всего, оскорбления царского имени и членов царской семьи, Русской православной церкви и священнослужителей, Бога и Богородицы, а также православных святых. Эти группы инвективной лексики, начиная с Соборного Уложения 1649 г., носили характер государственного преступления и предусматривали суровые меры наказания вплоть до смертной казни. Остальные оскорбления можно назвать бытовыми, они имели приватный характер и относились к представителям разных социальных слоев общества. Проблемы защиты личной чести разрешались в рамках существовавших традиций и были связаны с защитой чести рода.

В древнеславянском обществе защита личной чести и достоинства законодательно существовала только при совершении оскорбительных действий. Так, в редакциях «Русской Правды» XI–XIII вв. в качестве оскорблений рассматривались удары рукой или оружием, нанесение физических увечий, кража, неуплата долга. В «Русской Правде» телесные повреждения сливаются с понятием обиды, но не каждое действие было оскорбительным. В памятнике была дана достаточно четкая классификация действий, которые следовало рассматривать как обиду, оскорбление. Например, удар обнаженным мечом,

по понятиям того времени, оскорбительным не считался. А удар тыловой стороной меча, обнаженным мечом был особо позорным, «получить такое оскорбление обозначало не только получить обиду, но и быть опозоренным, рисковать своей доброй славой, общественным мнением о себе» [5, с. 92]. Удар раба для свободного человека всегда являлся оскорбительным. Но несмотря на то, что в «Русской Правде» рассматриваются случаи нанесения обиды, в данных редакциях отсутствовали статьи, относящиеся к устному оскорблению словом.

«Русская Правда» была отражением русской юридической действительности XI–XII вв., но отражение это было далеко не полным. Нравственные отношения в обществе регулировались церковью, которая контролировала в обществе порядок семейный, религиозный и нравственный. В юрисдикцию церкви входили дела об оскорблении нравственного чувства, о покушениях на женскую честь, об обидах словом. Все эти нормы были отражены в Уставе Владимира Святого, в Уставе великого князя Всеволода, в Уставе князя Ярослава Владимировича. Ранний церковный Устав оставлял право суда над устным оскорблением за церковью (ст. 9, 25) [6, с. 140, 169]. Так, оскорбительными и подсудными считались слова *еретик*, *зелейник* (составитель отрав и привораживающих снадобий), *обзывание женщин позорным словом*. «Устав князя Ярослава Владимировича особо выделяет оскорбление женщины, причем вводит в оценку важности оскорбления новое, еще чуждое «Русской Правде» сословно-родовое начало [5, с. 93]. Наказание за оскорбительное слово зависело от социальной принадлежности женщины. Ст. 22 памятника говорит, что за оскорбление боярской жены штраф 5 гривен золота, за жену городского человека – 3 гривны серебра, а за жену сельского человека – 1 гривна серебра [6, с. 169]. По мнению В.О. Ключевского, установление ответственности за оскорбление словом «было первым опытом пробуждения в крещеном язычнике чувства уважения к нравственному достоинству личности человека» [7, с. 255]. «Не исключено, что, насаждая новую половую нравственность, сама церковь стала вкладывать в слово, обозначающее определенное поведение, позорящий смысл, в то время как в языческую эпоху такое поведе-

ние могло и не расцениваться как постыдное» [6, с. 183].

Сословно-родовое начало постепенно укореняется в русском праве. В Уставной Двинской грамоте 1397 г., первом светском памятнике, который предусматривает оскорбление словом, за бесчестье или обиду боярина удовлетворение назначается по отечеству, т. е. по знатности его. В памятнике встречается статья только об оскорблении знатного человека и ничего не говорится об оскорблении «лаем» других сословных групп.

Более поздние законодательные акты XV в. Новгорода и Москвы, а также церковное законодательство распространяли старые нормы права защиты личного достоинства и на устное оскорбление. «В правосудии митрополищем», церковном законодательстве того времени, оскорбление соотносилось с репутацией личности [8]. Так, женщине гарантировалась денежная компенсация за непристойное оскорбление словом, имеющим значение «распутная женщина» [9, с. 85]. Таким образом, в домосковский период в обществе складывались нормы защиты чести, достоинства и репутации отдельного человека.

В Московском государстве продолжали развиваться юридические нормы защиты как от физического, так и от устного оскорбления. Например, в Судебнике 1497 г. предусматривались санкции за устное оскорбление: «лай», «брань», «непригожие слова», «непристойные слова» [10, с. 101]. Проблемы бесчестья разных социальных групп встречались и в Судебнике 1585 г. [11, с. 20-22]. Однако законодательство не детализировало типы оскорблений, понятие «лай» в Судебниках имело расплывчатый характер, поэтому в судебных разбирательствах учитывались сложившиеся традиции в обществе. Например, название «жидовляне» считалось «наветным» и «поносным». Также «оскорблением» считалось, если кто-либо другого «лаял матерно», «ругал неподобной бранью», «лаял изменником» и иной «неподобной лаею» [5, с. 95]. Можно предположить, что словесное оскорбление в это время должно было носить непристойный и позорящий характер.

В концентрированной форме положения об оскорблении и бесчестьи человека были сформулированы в Соборном Уложении

1649 г. Семья, семейная честь, сексуальная чистота являлись важными сторонами защиты чести и достоинства. Причем здесь присутствовал и гендерный аспект, т. к. большинство оскорблений женщин касалось их морального поведения [12, с. 87]. В отличие от Русской Правды, где словесное оскорбление не рассматривалось, в Соборном Уложении под «бесчестьем» преимущественно понимается оскорбление словом.

Особое место занимали оскорбления, связанные с социальным положением человека в обществе, т. е. оскорбления, связанные с чином. В этот период центральным моментом понятия чести становится не только принадлежность человека к определенному сословию, но и к занимаемому положению в государственной власти. Известен случай, когда в 1694 г. служилый человек, посланный в качестве сыщика, прилюдно назвал местного стольника неприличным словом, что вызвало судебное разбирательство на высшем уровне. Это оскорбление имело не приватный характер, а касалось административного статуса человека, посланного государем на должность воеводы в город.

Необходимо отметить, что понятие «бесчестье» в Соборном Уложении понималось так же широко, что и понятие «обида» в Русской Правде. И хотя в Уложении 1649 г. не дается четкого определения «непригожим словам», под ними понимались «ругательства», «клевета» и «позорные слова». К «непригожим словам» относилась и непристойная матерная брань («неподобная лая»), особенно когда она употреблялась по отношению к лицу привилегированного положения.

Четких границ, определяющих группу оскорбительных слов, не было. Исключение составляет ст. 280, в которой регулируется ответственность за оскорбление обценным словом, обозначающим «незаконнорожденный» [9, с. 99]. «Наказуемым в данном случае является лишь такое оскорбление, при котором оскорбительное слово не соответствует действительности» [13, с. 149]. В случае доказательства обратного данное слово оскорблением не считалось.

Большинство оскорблений в XVII в. отражали характер социальных отношений, существовавших в то время. Оскорбления употреблялись в основном среди равных по социальному статусу людей. Также встреча-

лись оскорбления лицами более высокого социального положения по отношению к лицам более низкого происхождения. Крайне редко было наоборот. Мера ответственности была прямо пропорциональна положению оскорбленного и зависела от положения оскорбителя. Чаще всего оскорбления произносились в период неофициальных отношений: споры соседей, различные пиры и свадьбы, выпивка в кабаках. Вино развязывало языки, а сбор большого количества людей, зачастую случайных, не связанных между собой какими-то отношениями, приводил к многочисленным конфликтам. Русское законодательство специально предусматривало наказание за подобные конфликты [6, с. 64; 10, с. 181, 195; 13, с. 11, 249].

Иногда вспыхивали ссоры между высшими представителями окружения царя, особенно это касалось царских покоев, где бояре и дворяне обменивались колкостями в ожидании государя. Известен конфликт князя И.А. Черкасского и князя И.Ф. Лыкова в феврале 1639 г. [14, с. 1-9]. Они вместе с другими придворными стояли в дворцовых сенях 15 февраля и ожидали выхода царя Михаила Федоровича. Князь И.Ф. Лыков в челобитной жаловался на Ивана Арасланова Черкасского, что во время ссоры он матерно обругал его, его жену и родителей и назвал их «недорогими князьками», намекая на незнатное происхождение. Этот «позор» и «лай» якобы слышали многие люди, толпившиеся в передних государевых сенях. Наиболее оскорбительным И.Ф. Лыков посчитал не матерные слова в свой адрес, т. к. они даже не попали в следственное дело, а принижение рода. В ответ челобитную подал князь И.А. Черкасский, в которой дал свою версию происшедшего. Он разговаривал с другими боярами и дворянами, ожидая выхода царя. Сзади него встал И.Ф. Лыков, схватил за шапку и попытался «сломить» ему шею, т. е. вытолкать из очереди, обозвал князя дураком, вспомнил родителей, намекая на «иноземство». Свидетели назвали и другие оскорбления, которыми подвергли друг друга спорщики. Делом пришлось лично заниматься царю, который пытался примирить своих придворных. Как правило, такие споры заканчивались либо примирением сторон, либо выдаче «головой», т. е. насильственным приводом виновного к обиженному и устным из-

винением. После чего обидчик мог идти к себе домой, считая сатисфакцию выполненной.

Все эти оскорбительные высказывания приобретали особое звучание в царских покоях, вблизи государя. Публичное употребление оскорблений при Государевом дворе делало их более обидными, чем в обыденной жизни. От места произнесения оскорбления зависела и система наказания. По Соборному Уложению виновные за подобные конфликты на Царском дворе или в церкви имели достаточно суровое наказание. За устное оскорбление предусматривалось до двух недель тюремного наказания. Достаточно часто в качестве оскорблений употреблялись слова «вор», «изменник», «страдник», «псарев внук». При судебном разбирательстве учитывался фактор социального статуса адресата. Например, до XVII в. слова «вор» и «изменник» являлись синонимами [15, с. 28], слово «страдник» имело значение «крестьянин, распахивающий свою землю» [16]. Высказанные в адрес высокопоставленных чинов подобные слова приобретали негативную оскорбительную коннотацию, а употребление их в адрес простолюдина не воспринималось как оскорбление. В судебных разбирательствах встречались оскорбления, которые относились к области морального характера, например, злодей, грабитель или указание на неблагородное происхождение, например, «холоп боярский», «конноховы дети», «князь-дьякон», «князь-подьячий», «худой князишко», «лапотник». Данные высказывания принижали социальный статус адресата, становясь особенно оскорбительными по отношению к высокопоставленным лицам.

Следуя традициям древнерусских княжеских Уставов, Соборное Уложение также охраняло женскую честь. В Московской Руси женщины юридически оставались под защитой мужчин: отцов, братьев, мужей. Поэтому оскорбление женщины автоматически переносилось на их семью. Достаточно часто такие оскорбления женщины, как «воровка», «курва», «плутовка» становились предметом судебного разбирательства. Однако даже более мягкие оскорбления также вызывали чувство протеста. Например, когда женщину называли «недоброй женой», это уже носило характер негативной коннотации. В 1623 г. один нижегородский сын боярский назвал так жену стрелецкого начальника, а в 1635 г.

князь Д.М. Мещерский обозвал «недоброй женой» свою невестку [12, с. 136-137]. Все эти случаи имели судебные разбирательства, закончившиеся наложением штрафа.

Особняком стояли оскорбления, адресованные неправославным и нерусским людям, которых с XVII в. становилось достаточно много в окружении Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Сюда же относились и представители казачества, среди которых также встречалось немало неправославных и нерусских. Указ 1699 г. назначал достаточно большую сумму штрафа за оскорбление иностранцев [17, с. 678]. Например, в 1687 г. рассматривалось дело об оскорблении старшего офицера Микулы фон Бердина, который имел немецкое происхождение. Ротмистр полка «нового строя» назвал его «немчишкой» и «пьяницей», за что получил телесное наказание [12, с. 93-94].

В Соборном Уложении были четко сформулированы положения о защите веры. Публичные оскорбления Бога, Богоматери, православной церкви и церковных иерархов карались самым жестоким образом. Глава I вводила уголовную ответственность за богохульство в адрес Иисуса Христа или девы Марии, «честного креста» или святых угодников [18, с. 19]. Виновного ожидала смертная казнь в виде сжигания живьем. За употребление в церкви оскорбительных слов в адрес любого человека виновный карался месячным содержанием в тюрьме. По сравнению со светскими лицами церковнослужители в XVII в. были больше защищены от личных оскорблений. В Соборном Уложении отсутствовали специальные статьи об оскорблении даже царя и членов его семьи.

В XVII в. судебная практика столкнулась с новыми проблемами. Отсутствие в Соборном Уложении четких границ оскорбительной лексики привело к тому, что любое слово, имеющее уничижительное значение, отрицательную оценку, становилось предметом судебного разбирательства. Подавались иски по поводу таких слов и выражений, как «сынишко боярский», «жонка», «шпынок турецкий» и подобных. В начале XVIII в. появляется указ, по которому подобные выражения не заключают в себе ничего бесчестного [19, с. 24]. Таким образом законодательство того времени пыталось регламентировать подобные процессы.

Подводя итоги проведенному анализу дел по защите чести и достоинства в период с XI в. по начало XVII в., можно сделать следующие выводы:

1) законодательная система по защите чести и достоинства начала формироваться с XI в. Но до XIV в. светское законодательство не рассматривало дела, связанные со словесными оскорблениями. Обидными, оскорбительными как правило являлись действия, наносящие физический и моральный вред. Но при этом инвективная лексика часто сопровождала эти действия;

2) первоначально нормы права складывались в области церковного законодательства, оставляя за церковью право защиты чести и достоинства не только религиозных святых, но и репутацию отдельного человека. Поэтому инвективная лексика была тематически ограниченной. В первых законодательных памятниках того времени в качестве словесных оскорблений воспринимались слова, связанные с ложными обвинениями в еретичестве, неприличном поведении женщины;

3) начиная с Устава Ярослава Владимировича (XV в.), словесные оскорбления в адрес отдельного человека рассматривались как оскорбления рода, к которому принадлежал этот человек. Особенно это касалось оскорблений, употребленных в адрес женщины. Оскорбление женщины автоматически переносилось на честь семьи и всего рода. Со словно-родовое начало становится основополагающим при определении наказания за оскорбление;

4) дальнейшее расширение инвективной лексики было связано с социальным статусом людей и их происхождением. Так, понижение социального статуса человека рассматривалось как серьезное оскорбление, связанное с его семьей и родом. А появление в окружении царя в XVII в. людей нерусского происхождения приводило к конфликтам на национальной почве. В это время отмечается увеличение судебных дел, связанных со словесными оскорблениями националистического характера;

5) уголовная ответственность предусматривалась в случае оскорбления Бога, православной веры, церковнослужителей. Богохульства воспринимались как серьезное преступление против церкви;

б) имя государя не было законодательно защищено до начала XVIII в. Лишь с этого периода вносятся дополнительные статьи уголовного наказания за оскорбление царя и членов его семьи.

1. *Леонтьев А.А., Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Сорокин Ю.А.* Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. М., 1997.
 2. Уголовный кодекс РФ. М., 1996.
 3. *Сперанская А.Н.* Оскорбление словом в быденном и правовом сознании носителей русского языка // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 1999.
 4. *Голев Н.Д.* Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2000.
 5. *Розин Н.Н.* Об оскорблении чести. Уголовно-юридическое исследование. Общая часть. Оpozorenie. Томск, 1910.
 6. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 1.
 7. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 8 т. М., 1956. Т. 1.
 8. Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. / под ред. Л.В. Черепнина. М., 1956.
 9. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы). СПб., 2003.
 10. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М., 1985. Т. 2.
 11. Судебник царя Федора Иоановича. 1585 г. / по списку собрания Ф.Ф. Мазурина. М., 1900.
 12. *Коллманн Н.Ш.* Соединенные честью. М., 2001.
 13. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М., 1985. Т. 3.
 14. Российский государственный архив древних актов. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2919.
 15. Словарь русского языка XI–XVII вв. / отв. ред. В.Б. Крысько. М., 1976. Вып. 3.
 16. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Книга первая. Государев двор или дворец. М., 1990.
 17. Полное собрание законов Российской империи: в 46 т. СПб., 1830. Т. 3.
 18. Соборное Уложение 1649 года. Текст, комментарии / рук. авт. кол. А.Г. Маньков. Л., 1987.
 19. Полное собрание законов Российской империи: в 46 т. СПб., 1830. Т. 4.
-
1. *Leont'ev A.A., Bazylev V.N., Bel'chikov Yu.A., Sorokin Yu.A.* Ponyatie chesti i dostoinstva, oskorbleniya i nenormativnosti v tekstakh prava i sredstv massovoy informatsii. M., 1997.
 2. Ugolovnyy kodeks RF. M., 1996.
 3. *Speranskaya A.N.* Oskorblenie slovom v obydennom i pravovom soznanii nositeley russkogo yazyka // Yurislingvistika-1: problemy i perspektivy: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov / pod red. N.D. Goleva. Barnaul, 1999.
 4. *Golev N.D.* Yuridizatsiya estestvennogo yazyka kak lingvisticheskaya problema // Yurislingvistika-2: russkiy yazyk v ego estestvennom i yuridicheskom bytii: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov / pod red. N.D. Goleva. Barnaul, 2000.
 5. *Rozin N.N.* Ob oskorblenii chesti. Ugolovno-yuridicheskoe issledovanie. Obshchaya chast'. Opozorenie. Tomsk, 1910.
 6. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. / pod red. O.I. Chistyakova. M., 1984. T. 1.
 7. *Klyuchevskiy V.O.* Sochineniya: v 8 t. M., 1956. T. 1.
 8. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 4. Pamyatniki prava perioda ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. XV–XVII vv. / pod red. L.V. Cherepnina. M., 1956.
 9. *Mokienko V.M., Nikitina T.G.* Slovar' russkoy brani (matizmy, obstszenizmy, evfemizmy). SPb., 2003.
 10. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. / pod red. O.I. Chistyakova. M., 1985. T. 2.
 11. Sudebnik tsarya Fedora Ioanovicha. 1585 g. / po spisku sobraniya F.F. Mazurina. M., 1900.
 12. *Kollmann N.Sh.* Soedinennye chest'yu. M., 2001.
 13. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. / pod red. O.I. Chistyakova. M., 1985. T. 3.
 14. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 396. Op. 1. D. 2919.
 15. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. / otv. red. V.B. Krysko. M., 1976. Vyp. 3.
 16. *Zabelin I.E.* Domashniy byt russkikh tsarey v XVI i XVII stoletiyakh. Kniga pervaya. Gosudarev dvor ili dvorets. M., 1990.
 17. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii: v 46 t. Spb., 1830. T. 3.
 18. Sobornoe Ulozhenie 1649 goda. Tekst, kommentarii / ruk. avt. kol. A.G. Man'kov. L., 1987.

19. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii: v
46 t. Spb., 1830. T. 4.

Поступила в редакцию 1.10.2014 г.

UDC 81'373.47

STAGES OF THE FORMATION OF INVECTIVE NOTION IN JUDICIAL TEXTS OF 11th–17th CENTURIES

Irina Yuryevna MIZIS, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Assistant of Russian as Foreign Language Department, e-mail: irina-m-tambov@mail.ru

The stages of invective formation in the judicial texts of the 11th– 17th centuries are considered. The investigation is conducted on the basis of judicial cases and legislative documents. Legislative acts and legal proceedings of different epochs influenced the formation of different types of invectives. At first in the secular legislation only assault and battery is considered as an insult. In the 11th– 13th centuries contumelies were under the jurisdiction of the church. Then in the 14th–17th centuries they were examined in the secular legislation. The invective group included “curse words” and words of “shameful” character. Most invectives reflected the social relationships of that period. At the beginning the number of invectives which were considered in court was not large but it gradually increased. It was linked with the social status of people and their social origin. Punishment for the contumely was given in accordance with the birth status of the participants of the conflict.

Key words: invective vocabulary; outrage; laws; personal honor; quarrel.